

заводь, поднимается на очень высокую гору и внизу на болотце замечает идущих хозяек леса (2967/7а). Рассказывали, как выруганная девочка прямо от крыльца побежала на Ригачную гору, оттуда на Крестовое болото, где ее ждали «тети и дяди» (3024/80). Однажды женщины заблудились, идут, «только сосны и ели все длиннее», пришли к берегу озера, попали на Коверское болото, «а там ламбы видны и острова» (3024/83).

Таким образом, сакральная топография подчеркивает близость духов — хозяев леса с нечистой силой, подземными обитателями, с миром мертвых.

Литература

Криничная 2008 — Криничная Н. А. Осмысление пути в мир иной в свете христианской доктрины воздаяния // Православие в Карелии. Петрозаводск, 2008.

Лавонен 1984 — Лавонен Н. А. Функциональная роль порога в фольклоре и верованиях карел // Фольклор и этнография. Л., 1984.

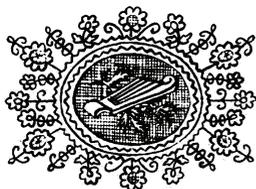
Пропп 1986 — Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.

Симонсуури 1991 — Симонсуури Л. Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов. Петрозаводск, 1991.

Топоров 1987 — Топоров В. Н. Гора // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1987.

Топоров 1988 — Топоров В. Н. Река // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1988.

Virtaranta 1958 — Virtaranta P. Vienan kansa muistele. Porvoo; Helsinki, 1958.

А. С. Лызлова

Петрозаводск

**Змей — похититель женщин
в русских волшебных сказках:
об истоках и трансформациях образа**

Змей является одним из распространенных образов в произведениях, относящихся к различным жанрам русского фольклора, в том числе и в волшебной сказке. Здесь он выполняет множество функций,

о чем неоднократно писали исследователи. Так, В. Я. Пропп в монографии «Исторические корни волшебной сказки» выделяет четыре типа сказочного Змея: 1. Змей-похититель; 2. Змей, совершающий поборы; 3. Змей – охранитель границ; 4. Змей-поглотитель [Пропп 2005: 183–187]. Говоря о присущей рассматриваемому персонажу функции поглощения, В. Я. Пропп отмечает существование Змея-подателя, Змея-благотеделя [Пропп 2005: 195]. Н. В. Новиков в работе «Образы восточнославянской волшебной сказки» в целом придерживается предложенной классификации, заменяя определение «Змей – охранитель границ» на «Змей – нарушитель границ», и дополняет ее еще одним типом – Змей-соблазнитель [Новиков 1974: 180–189]. Наиболее обстоятельный анализ образа сказочного Змея представлен в опубликованной в 2007 г. статье В. Е. Добровольской, где исследовательницей учтены 11 типов: 1. Змей-похититель; 2. Змей – охранитель границ; 3. Змей-разоритель; 4. Змей – пожиратель птенцов гигантской птицы; 5. Змей – сексуальный партнер (реальный и потенциальный); 6. Змей-оборотень; 7. Змей – обладатель сокровищ; 8. Змей – преследователь героя; 9. Змей в плуге; 10. Змеиха в кузнице; 11. Змея-помощница [Добровольская 2007: 31–37].

Одной из основных функций рассматриваемого персонажа в русских волшебных сказках оказывается похищение женщины; она отмечается всеми упоминаемыми выше исследователями. В указанной роли Змей фигурирует более чем в 50-ти сказочных текстах, записанных на всей территории России и опубликованных в сборниках XIX–XXI столетий [См. подробнее Лызлова 2008].

В большинстве русских волшебных сказок о похищении женщины Змей оказывается главным противником героя. Практически все эти фольклорные произведения относятся к змееборческому типу; в них Змей-похититель в конечном итоге погибает от руки освободителя похищенной женщины. Исключения составляют четыре выявленные сказки, где интересующий нас персонаж выступает в несвойственной ему, на первый взгляд, роли зятя – помощника главного героя. Данные тексты могут в какой-то степени прояснить ситуацию, касающуюся некоторых истоков образа Змея. Именно об этом пойдет речь в работе.

Самый ранний по времени записи такой вариант под названием «Иван-царевич и Марья-царевна» помещен в сборнике «Народные сказки, собранные сельскими учителями Тульской губернии», подготовленном А. А. Эрленвейном и опубликованном в 1863 г. [Эрленвейн 1863: № 31].

Почти через 70 лет, в 1929 г. в Усть-Цильме И. В. Карнаухова была зафиксирована сказка «Иван-царевич и Якута» от 72-летнего Василия Соболя [Карнаухова 1934: № 169]. Примечательно, что этот сказочник ненец по национальности.

Спустя несколько лет, во второй половине 30-х гг., в Красноярском крае М. В. Красноженова записала сказку «Три сестры и брат», вошедшую в опубликованный в 1937 г. сборник «Сказки Красноярского края» [Красноженова 1937: № 20].

Наконец, в 1957 г. была зафиксирована сказка «Белая Беяна» от Николая Михайловича Сорокина, жителя с. Молчаново Горьковской (ныне Нижегородской) обл., включенная в подготовленный В. Потявиным сборник «Народная поэзия Горьковской области» [Потявин 1960: № 7].

Как видно, упоминаемые фольклорные произведения были записаны в разное время на удаленных друг от друга территориях. Вместе с тем они имеют много общего. Все указанные тексты представляют собой контаминацию нескольких сюжетов, среди которых важнейшим для нас оказывается сюжет, обозначенный в Сравнительном указателе под № 552А=АА 552 *Животные-зятья*. Его краткое содержание сводится к следующему: «три девушки выданы за сокола, орла, ворона (за зверей, дождь, ветер); зятья помогают своему шурину добыть жену-красавицу» [СУС 1979: 156]. Уточним, что в большинстве русских волшебных сказок на этот сюжет различные зооморфные персонажи похищают сестер или дочерей героя. В Указателе учтены чуть более тридцати вариантов русских сказок на данный сюжет. К этим текстам примыкают также сказки на сюжет, обозначенный в СУС под № 552В=АА *299 *Солнце, Месяц и Ворон – зятья*. Два указанных сюжета сохраняют отголоски древних представлений о возможности брака человека с когда-то почитаемыми животными и природными явлениями. Появление Змея в упоминаемых выше фольклорных текстах в роли зятя-помощника, по-видимому, не случайно и свидетельствует о том, что данный персонаж имеет отношение к таким животным.

При этом в сказке из сборника И. В. Карнаухова Змей Горыныч становится мужем одной из трех сестер наряду с такими зооморфными (точнее – орнитоморфными) персонажами, как Орел Орлович и «птица Маговей Маговеевич». В остальных вариантах зятьями героя оказываются одновременно три Змея, отличающихся друг от друга количеством голов. Так, в текстах из сборников, составленных В. Потявиным и М. В. Красноженовой, функционируют трех-, шести- и

девятиглавые Змеи. А в сказке из подготовленного А. Эрленвейном собрания мужьями трех сестер оказываются Змеи «об двадцати», «об тридцати» и «об сорока голов».

Отметим попутно, что многоголовость изучаемого персонажа является одной из наиболее общих, необходимых его характеристик в русских волшебных сказках. Об этом качестве мы поговорим подробнее чуть ниже, когда обратимся к рассмотрению трансформаций, произошедших с образом Змея-похитителя.

Итак, в упоминаемых нами текстах Змей или несколько Змеев становятся мужем / мужьями сестры / сестер героя. Указанный похититель наделяет шурина различными чудесными предметами, помогающими ему впоследствии добыть невесту. Такими средствами являются: распространенные в сказочной традиции самобранные платок, скатерть, ковер-самолет и графинчик о 12 горлышках [Красноженова 1937: № 20; Эрленвейн 1863: № 31], обеспечивающие изобилие; золотой гребень, способствующий появлению того, о чем подумаешь во время причесывания [Карнаухова 1934: № 169]; невидимая музыка, которая «очень хорошо играет» [Потявин 1960: № 7]. Все эти вещи призваны привлечь внимание царевны, на которой хочет жениться герой (сюжет, зафиксированный в СУС под № 400₂ = АА 400*В *Царь-девица*). Примечательно, что в двух текстах упоминаются магические средства, являющиеся частями животного. В сказке из сборника А. А. Эрленвейна это павлиньи перья, предлагаемые герою каждым из Змеев. А в варианте, записанном М. В. Красноженовой, Змеи поочередно одаривают шурина «пухом из-под брюха». Как и волосы, пух или перья являются средоточием магической силы мифического существа. Указанные предметы изначально связаны с наделением героя особыми знаниями и единением со Змеем посредством получения части тела последнего. В рассмотренных сказках эти средства уже не выполняют какой-либо определенной роли; лишь в тексте из сборника, составленного М. В. Красноженовой, сообщается: «прилетел Кощей и изрубил Ивана-царевича в куски, сам с царь-девицей домой вернулся. Лежит Иван-царевич убитый, а кто-то пустил палы¹, с деревца на деревцо, с травки на травку, дошли палы до Ивана-царевича, и змеиный пух в карманах начал

¹ «На *сев.* и *вост.* по осени или лучше по весне выжигают все луга, пастбища и покосы, иначе ветошь не дает росту траве; это называется *пускать пал, палы*» [Даль 1882: Т. 3, 12].

глеть, понесло гарью, услышали заты и прилетели к Ивану-царевичу на помощь» [Красноженова 1937: № 20].

Змей, таким образом, оказывается в рассматриваемых текстах дарителем магических средств и знаний. Именно такой, по Проппу, «благой змей, змей-податель есть первая ступень змея, обращающаяся потом в свою противоположность» [Пропп 2005: 195]. Результат этих трансформаций и представлен в большинстве русских волшебных сказок. Интересно, что в тексте из сборника, подготовленного В. Потявиным, помимо трех Змеев-зятьев героя, фигурирует 12-главый Змей, похищающий его жену в ходе дальнейшего повествования и побеждаемый в эпизоде змееборства.

Помимо трансформаций, касающихся функций Змея-похитителя, в рассматриваемых сказках отражены и изменения, связанные с обликом персонажа. Прежде всего, это его многоголовость.

Обычно Змей-похититель в русских волшебных сказках имеет 3, 6, 9 или 12 голов. В некоторых вариантах рассматриваемый персонаж является 5-головым [Афанасьев 1957: № 131], 7-головым [Афанасьев 1957: № 131; Соколовы: № 79]. В сказке «Богатырь» из сборника И. А. Худякова один Змей имеет 28 голов, другой – 29, а третий «еще сердитее» [Худяков 2001: № 117]. Наибольшее количество голов у Змея представлено в упоминаемой выше сказке из собрания А. А. Эрленвейна. Существование нескольких голов – это «основная, постоянная, непременная черта» Змея [Пропп 2005: 183], которая свидетельствует о том, что данный персонаж является тератоморфным существом. В то же время сама многоголовость Змея – это «позднее явление, так как категория определенного множества есть вообще поздняя категория» [Пропп 2005: 212]. Появление указанной черты связано с мотивом поглощения, играющего значительную роль в обряде инициации. Изначально существование нескольких голов соотносится с самой архаической формой рассматриваемого персонажа (поглотитель), становясь позднее признаком образа сказочного Змея в целом. По словам В. Я. Проппа, многоголовость Змея, символизирующая многократность пасти, – это гипертрофированный образ пожирания [Пропп 2005: 211].

Помимо наличия тератоморфных признаков, во внешности сказочного Змея-похитителя обнаруживаются вполне конкретные зооморфные черты. В отдельных вариантах отмечается, что у Змея есть крылья [Бронницын 2007: № 1; Худяков 2001: № 42], когти [Азадовский 1928: № 14], хвост [Померанцева 1957: № 17]. В то же время Змей является

гибридным существом, сочетающим в себе признаки рептилии, птицы и человека. Наиболее яркий пример такой контаминации представлен в сказке из сборника И. А. Худякова, где Змей — это птица Усыня с 12 змеиными головами, «сам с нокоть, борода с локоть², усы по земле тащатся, крылья на версту лежат» [Худяков 2001: № 42]. В этой связи вполне объяснимым становится одаривание героя павлиньими перьями в варианте, представленном у А. А. Эрленвейна.

Процесс дальнейшей антропоморфизации Змея-похитителя отражается в сказках в ситуации его попеременного пребывания в змеином облике и в человеческом. Так, в сказке из сборника И. А. Карнаухова рассматриваемый персонаж, отправившийся свататься к сестре Ивана-царевича, предстает в антропоморфном виде: «Взял (Иван-царевич. — *А. Л.*) и поехал с кучером кататься. И заехал на высоченный хробет, и увидел — идет золотой мужик, золотым посохом подпирается. От его пламя валит, искры сыпятся³» [Карнаухова 1934: № 169]. Упоминание о золоте свидетельствует о принадлежности персонажа к потустороннему миру: «Золотая окраска есть печать иного царства» [Пропп 2005: 245]. Сам Змей генетически связан с представлениями о смерти [Пропп 2005: 212].

В тексте, опубликованном в собрании А. А. Эрленвейна, женихи трех сестер героя появляются впервые в образе «сопатых⁴ нишенок» [Эрленвейн 1863: № 31].

Уже в ходе дальнейшего повествования (во время пребывания Ивана-царевича в ином мире) выясняется, что мужем сестры / сестер оказывается именно Змей / Змеи. Здесь он также меняет свой облик. Например, в текстах сообщается: «Змей прилетел, ударился об землю и стал молодцом» [Красноженова 1937: № 20] или «Хлопнулся тот змей о землю, стал он еще лучше Ивана-царевича», «Этот змей трепнулся⁵ об землю, стал еще лучше Ивана-царевича» [Эрленвейн 1863: № 31]. В сказках рассматриваемый персонаж оказывается существом перевоплощающимся.

² Отметим, что данная характеристика в большинстве русских волшебных сказок является наименованием другого похитителя женщин, имеющего антропоморфные черты.

³ Указанное описание напоминает о том, что сказочный Змей — «существо огневое» [Пропп 2005: 184].

⁴ В словаре Даля «сопатый» — тот, кто сопит [Даль 1882: Т. 4, 271].

⁵ Это слово употребляется в тексте сказки дважды. По-видимому, оно связано с ударом Змея о землю. Примечательно, что в переиздании сборника используется слово «треснулся» [Эрленвейн 2005: № 24].

Указанные выше примеры, касающиеся многоголовости, гибридности и антропоморфизации Змея, свидетельствуют о том, что он представлен в сказках в достаточно трансформированном виде. По словам В. Я. Проппа, облик этого персонажа выработался позже, чем его основные функции [Пропп 2005: 210]. При этом изменения коснулись не только внешности, но и выполняемых им действий.

Литература

Азадовский 1928 – Азадовский М. К. Сказки из разных мест Сибири / Под ред. М. К. Азадовского. Иркутск, 1928.

Афанасьев 1957 – Афанасьев А. Н. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах / Подгот. текстов, предисл. и примеч. В. Я. Проппа. М., 1957.

Бронницын 2007 – Бронницын Б. Русские народные сказки. Сборники Б. Бронницына и И. Сахарова. СПб., 2007. С. 15–48. (Полное собрание русских сказок. Ранние собрания. Т. 15).

Даль 1882 – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 3, 4. СПб.; М., 1882.

Добровольская 2007 – Добровольская В. Е. Змей в русской волшебной сказке: к вопросу о природе и генезисе персонажа // Традиционная культура. 2007. № 2. С. 24–40.

Карнаухова 1934 – Карнаухова И. В. Сказки и предания Северного края / Записи, вступ. статья и коммент. И. В. Карнауховой. М.; Л., 1934.

Красноженова 1937 – Красноженова М. В. Сказки Красноярского края. Сб. М. В. Красноженовой / Под общ. ред. М. К. Азадовского и Н. П. Андреева. Л., 1937.

Лызлова 2008 – Лызлова А. С. Фольклорный мотив похищения женщины Змеем в литературной традиции // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, жанр. Вып. 5. Петрозаводск, 2008. С. 51–62.

Никифоров 1974 – Никифоров Н. В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л., 1974.

Померанцева 1957 – Померанцева Э. В. Русское народное творчество в Башкирии / Сост., автор предисл. и примеч. Э. В. Померанцева. Уфа, 1957.

Потявин 1960 – Потявин В. Народная поэзия Горьковской области. Вып. первый / Сост. и ред. В. Потявин. Горький, 1960.

Пропп 2005 – Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2005.

Соколовы – Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых: в 2 кн. СПб., 1999. (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные издания. Т. 2).

СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979.

Худяков 2001 – Худяков И. А. Великорусские сказки. Великорусские загадки. СПб., 2001. (Полное собрание русских сказок. Ранние собрания. Т. 6).

Эрленвейн 1863 – Эрленвейн А. А. Народные сказки, собранные сельскими учителями Тульской губернии / Изд. А. А. Эрленвейна. М., 1863.

Эрленвейн 2005 – Эрленвейн А. А. Народные сказки, собранные сельскими учителями. Сб. А. А. Эрленвейна. Русские народные сказки, прибаутки и побасенки. Сб. Е. А. Чудинского. СПб., 2005. С. 10–148. (Полное собрание русских сказок. Ранние собрания. Т. 11).

Е. В. Марковская

Петрозаводск

**Сказители Карелии и новые произведения
эпического склада 1930–1950-х годов**

В фондах Научного архива КарНЦ РАН имеется значительное количество записей произведений, получивших в отечественной фольклористике название «новины»; в общей сложности их около 500. Термин «новины» возник по аналогии с термином «былины». Этот вид поэзии включает произведения, созданные в эпическом стиле. Они восходят к двум жанрам: былинам и причитаниям. Эпоха «новин» относится к последнему периоду живого бытования этих жанров, т. е. к первой половине XX в. С 1940-х гг. началась дискуссия о принадлежности «новин» к фольклорным произведениям и их художественной ценности [Леонтьев 1948: 249–266; Молдавский, Гречина 1949]. После смерти Сталина обсуждения продолжились [Аникин 1953: 80–87; Померанцева 1953: 142–144]. В это время многие фольклористы, включая и тех, кто работал со сказителями, помогая создавать новины, признали, что эти новые произведения скорее являются имитациями или авторскими литературными произведениями. И хотя большинство уже не относило новины к фольклорным произведениям, в некоторых сборниках они продолжают встречаться [Русский советский фольклор 1967]. В настоящее время, несмотря на то, что